

Участниками экспедиции были сделаны сообщения на заседаниях Общества любителей древней письменности и Русского археологического общества [Макушин, Трибунский 2001: 297].

В Санкт-Петербургском филиале архива РАН (ПФА РАН) в фонде Н.П. Кондакова хранится записка П.А. Лаврова «Взгляд на современное положение Македонского вопроса» [Ф. 115, оп. 1, ед. хр. 196].

И, наконец, несомненным результатом является и македонская этнографическая коллекция П.А. Лаврова. Коллекция включает 53 ед. хр. Это поражающие мастерством вышивки предметы женского костюма: кафтаны, рубашки, головные уборы, пояса, вязанные чулки, обувь. В коллекцию также вошли музыкальные инструменты. Возможно, существованию данной коллекции, включающей в основном предметы женской одежды, мы обязаны и супруге П.А. Лаврова — М. С. Слуцкой (по матери сербского происхождения), которая сопровождала его в экспедициях на Балканы, в том числе и в Македонию в 1900 г. [ПФА РАН. Ф. 6, оп. 1—1900, ед. хр. 18, л. 87; Ляпунов 1930: 549].

Таким образом, проведенное исследование позволило вернуть в корпус материалов македонской историко-археологической экспедиции Петербургской Академии наук этнографическую коллекцию, собранную филологом-славистом П.А. Лавровым.

Библиография

- Длужневская Г.В.* Материалы Н.П. Кондакова в собрании Института истории материальной культуры РАН // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925. Личность, научное наследие, архив. СПб., 2001.
- Кондаков Н.П.* Македония. Археологическое описание. СПб., 1909.
- Ляпунов Б.М.* Краткий обзор жизни и научной деятельности П.А. Лаврова // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. 1930. № 8.
- Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милоков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001.
- Соболев В.С.* Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915. СПб., 1993.
- Тункина И.В.* Материалы к биографии Н.П. Кондакова // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925. Личность, научное наследие, архив. СПб., 2001.

М.А. Янес

ТКАЦКИЕ УСТРОЙСТВА БЕЛУДЖЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИЙ И АРХИВА МАЭ РАН)

В 1929 г. в Туркменской республике работал отряд Среднеазиатской этнологической экспедиции, в составе которого были Э.Г. Гафферберг, Г.Г. Гульбин, А.Н. Булгаков и Г.К. Шульц. Отряд занимался изучением культуры и быта этнических групп белуджей, джемшидов, хазарейцев и берберы,

проживавших на территории Туркменской ССР. Участниками этого полевого выезда были собраны уникальные коллекции предметов быта исследуемых народов, дополненные содержательными описями и фотоиллюстративным материалом.

Ткацкие устройства белуджей поступили в МАЭ РАН от Г.К. Шульца и А.П. Булгакова. Имена этих собирателей до настоящего времени окутаны тайной. В архиве МАЭ РАН и в Санкт-Петербургском филиале архива РАН не сохранилось никаких биографических данных об этих людях. Тем не менее в архиве Музея антропологии и этнографии хранятся полевые дневники Г.К. Шульца. К сожалению, большая часть полученных материалов не была до конца обработана и опубликована самим собирателем. Полевые записи поездки к белуджам в основном были обработаны Э.Г. Гафферберг и нашли свое отражение в ее монографии «Белуджи Туркменской ССР» [Гафферберг 1969]. Однако в работе не упомянуто ткачество исследуемой этнической группы, материалы о котором до сегодняшнего дня хранятся в архиве МАЭ РАН. Именно они вкуче с отдельными коллекционными предметами и послужили источником для данного небольшого исследования.

В фондах МАЭ РАН хранятся два наземных горизонтальных ткацких устройства, принадлежавших белуджам (колл. № 3993–281 и 3993–288). Оба они были приобретены в Байрам-Алийском районе Туркменской ССР.

Ткацкое устройство, зарегистрированное под № 3993–281, является одним из простейших горизонтальных ткацких станков (рис. 1) и предназначено для ткацкой нешироких ковровых изделий. Оно состоит из четырех достаточно длинных колеьев (от 80 до 103 см), вбиваемых в землю так, чтобы над поверхностью оставалось 35–40 см. Расстояние между колеями определялось размерами ковра, который планировали изготовить. Причем расстояние должно было быть как минимум на 50 см больше длины планируемого изделия. Готовые нити основы закрепляли на массивных основодержателях (длина 73–78 см, диаметр 5–7 см), которые толстыми шерстяными веревками накрепко привязывались к вбитым в землю колеям. Чтобы основа не скользила на основодержателях, нити, прилегающие к ним, смазывались глиной.

Интересно, что белуджи не наматывали нити основы непосредственно на закрепленные на колеях основодержатели, как это, например, делали среднеазиатские арабы, а сновали основу отдельно. В процессе снования происходило и навязывание ниточек. Белуджские женщины сновали с помощью пяти небольших вспомогательных колеьев, вбитых в землю, один из которых становился впоследствии ремизной планкой *гулаки* (подробнее см. [Архив МАЭ РАН. К–I, оп. 2, № 171, л. 636–637] и описание коллекции). С ее помощью ткачиха при смене зева в процессе ткацкой поднимала вверх нижний порядок основы. При ткацкой ремизная планка располагалась на расстоянии 25–30 см от края уже готовой работы. На некотором расстоянии от *гулаки* между верхним и нижним рядами основы вставлялась основоразделительная планка *пошт гулаки*. В описываемом станке это круглая палка диаметром 3,5 см и длиной 76 см. В процессе ткацкой она служила для поднимания верхней части основы. Для смены зева ткачиха укладывала концы *гулаки* или *пошт гулаки* на камни или

История Кунсткамеры

кирпичи *санг*, лежавшие по бокам натянутой основы. Если нужно было поднять нижнюю часть основы, на камни поднимались концы *гулаки*, если же необходимо было поднять верхнюю часть основы, *гулаки* снимали с камней и на ее место поднимали *пошт гулаки*.

Рис. 1. Колл. № 3993–281. Ткацкий станок. Белуджи. Туркменская ССР

В комплект ткацкого устройства, кроме уже описанных деталей, также входят клинья и шерстяные веревки, использовавшиеся для предотвращения сужения основы и соответственно готового изделия. В процессе работы веревки одним концом специальными булавками прикреплялись с двух сторон к краям готового изделия, а другим концом закреплялись на кольях, вбитых в землю. Таким образом изделие растягивалось на определенную ширину и уже не сужалось.

Благодаря собирателям Г.К. Шульцу и А.П. Булгакову мы имеем фотографию (стеклянный негатив) описанного станка, сделанную ими в белуджском кочевом жилище *гедан* (рис. 2). На ткацком устройстве начато изготовление ковровой подушки. Лицевая часть подушки должна была быть выполнена ворсовой техникой и орнаментирована сложными геометрическими узорами.

История Кунсткамеры

Именно сотканный фрагмент изделия и позволяет утверждать, что на фотографии изображен тот ткацкий станок, которой сегодня хранится в фондах МАЭ РАН. На отпечатке четко видны практически все части ткацкого устройства, а также ткацкий гребень для прибивания нитей утка. С большой долей вероятности можно предположить, что этот гребень также был приобретен для нашего музея и хранится в фондах под номером 3993–285.

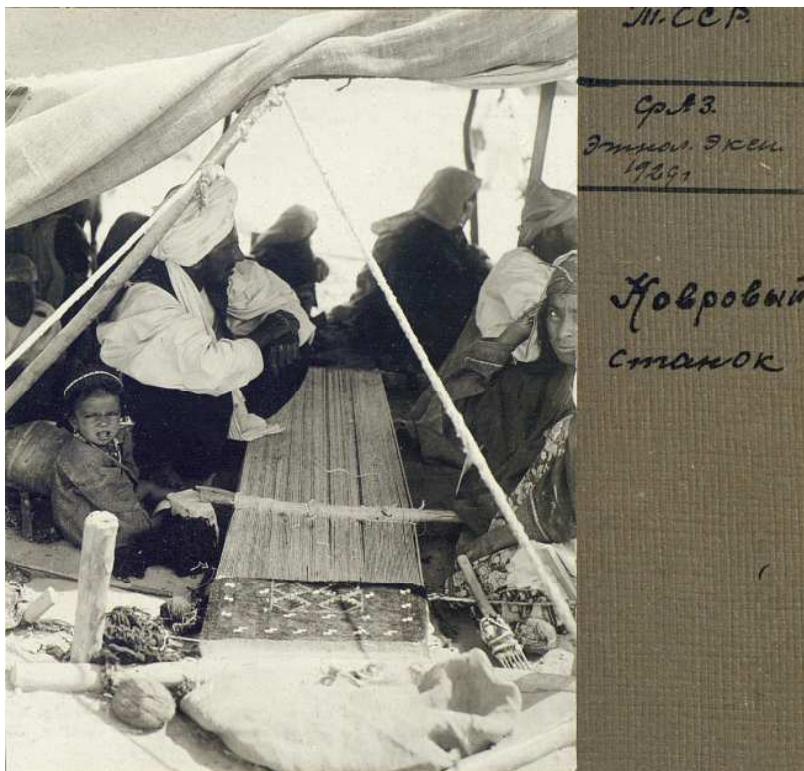

Рис. 2. Колл. № 4060–270. Ткацкий станок. Белуджи. Туркменская ССР. 1929 г.

Второй белуджский ткацкий станок зарегистрирован под номером 3993–288. В основном он состоит из таких же деталей, что и уже описанное ткацкое устройство, но так как он предназначен для тканья паласов (безворсовых ковров) и шерстяных тканей, идущих на изготовление *геданов*, то отдельные его части более массивны. Так, основодержатели этого ткацкого станка имеют длину 148–170 см при диаметре 7 см, а длина ремизной планки *гулаки* — 107 см. Основное отличие второго ткацкого устройства — принципиально другая система создания зева (т.е. поднятия и опускания *гулаки* и *пошт гула-*

История Кунсткамеры

ки). Здесь для этой цели использовался треножник *трикал* с подвешенной на нем горизонтальной планкой *макади*. Для работы треножник устанавливался над ткацким станком так, чтобы две его ноги приходились над краями основы или уже готовой ткани, а третья нога упиралась в землю посередине, между нитями основы. Вспомогательная горизонтальная планка *макади* закреплялась веревками между кольями треноги перпендикулярно основе, так, чтобы она оказалась между *гулаки* и *пошт гулаки*. Посередине *макади*, перпендикулярно к ней, устанавливалась еще одна небольшая вспомогательная планка *дамкаш*, к концам которой толстыми шерстяными веревками привязывались *гулаки* и *пошт гулаки*. В процессе тканья, передвигая вспомогательную планку *дамкаш* по *макади* вперед или назад, мастерица поднимала нижнюю или верхнюю части основы, т.е. создавала зев.

По фотографии, сделанной собирателями коллекции, мы можем составить довольно ясное представление о тканье с помощью описанного устройства, так как на изображении четко видны все описанные детали устройства. Можно предположить, что такое приспособление значительно ускоряло процесс ткачества длинных однотонных или полосатых тканей.

Кроме паласов, ковровых подушек и тканей для *геданов*, белуджские женщины ткали портянки, подпруги для седел, шерстяные ткани для изготовления халатов и безрукавок. В коллекциях, привезенных в МАЭ РАН отрядом Среднеазиатской этнологической экспедиции, работавшим в 1929 г. в Туркмении, хранятся образцы одежды и ковровых изделий белуджей, которые могут служить прекрасным источником для изучения качества белуджей и использоваться при создании постоянных экспозиций и временных выставок.

Библиография

Гафферберг Э.Г. Белуджи Туркменской ССР. Л.: Наука, 1969.

М.А. Янес

ПО СТАРЫМ АДРЕСАМ

В рамках работы по теме «Музейные коллекции и архивные материалы в истории российской и мировой культуры» я подбирала информацию по традиционным ремеслам и промыслам Узбекистана в архиве МАЭ РАН, в связи с чем просматривала фонд Е.М. Пещеревой¹. Среди очень большого количества полевых записей о гончарном, золотошвейном и ткацком ремеслах, среди записей бесед с мастерами-ремесленниками мне удалось обнаружить интереснейший материал об удивительном человеке, мастере-вышивальщике Кобилджоне Мусаджанове. Именно этот материал и стал основным источником и стимулом для проведения одного из этапов экспедиционного выезда в Узбекистан в сентябре 2010 г.²

Из полевых дневников Е.М. Пещеревой

Китаб, 1943

Усто Кобиль Джан Мусаджанов (усто Кобиль Оим)³

---

¹ Е.М. Пещерева (1 [13] марта 1897 — 6 февраля 1985) являлась научным сотрудником Ленинградской части Института этнографии АН СССР с 1942 по 1966 г.

² Экспедиционный отряд состоял из двух человек — главного хранителя МАЭ РАН П.И. Погорельского и автора этих строк М.А. Янес. Основными точками маршрута были города Фергана, Маргилан, Самарканд и Бухара.

³ Кобиль Оим — Госпожа Кобиль — так звали его в шутку, за глаза, за занятия женскими делами и постоянное общение с женщинами (прим. Е.М. Пещеревой).

Усто Кобилджон родился в 1882 г. в Андижане. Отец его был родом из Оша — «тахтисулаймонлик», мать из Андижана. Отец его был мастер по изготовлению цветных кошем — киизчи. Отец его с женой поехал в хаджж и повез с собой шестимесячного мальчика. Через шесть месяцев они вернулись из хаджжа и в Китабе задержались, мать усто Кобиля умерла.

Отец после этого был еще три раза женат. Первая мачеха вскоре умерла, вторая мачеха его очень мучила и заставляла целыми днями работать. Сама она была болезненная женщина, постоянно лежала и лишь распоряжалась им. Он выполнял все домашние женские работы, и, кроме этого, она заставляла его вышивать. В 13 лет он уже был хорошо обучен вышивке.

Когда ему было лет 18, его женили на дочери этой мачехи от первого брака. У него была ара-хоп — названная старшая сестра — Урун биби. Она вышивала и немного рисовала, но хорошей чизмакаш¹ не была. Урун биби настаивала на том, чтобы он учился рисовать, так как он был грамотный. <...> Он и начал сначала писать газал², а затем понемногу и рисовать.

В это время в Китабе был известный мастер Воке Махсум. Усто Кобиль стал ходить к нему и приглядываться к его работе. Тот главным образом рисовал потолки, но делал и другие работы. Абдурахман Бек, бывший беком в Китабе, хотел послать в Бухару в подарок последнему эмиру Алим Хану, бывшему тогда еще мальчиком, чалму к тую по случаю его обрезания, вышитый халат (усто Кобилу было в это время 20 лет). Бек хотел поднести срапо. Известному мастеру Турсунбой Чулок была заказана чури одноцветного желтого шелка. Из этого шелка был скроен халат, и дали сделать рисунок для вышивки Воке Махсуму.

Усто Кобиль пришел к мастеру и увидел, что тот сидит над раскроенным халатом и с рисунком на бумаге, причем ему не удается свести все отдельные части в общую композицию. Воке Махсум рассказал ему о своих затруднениях. Усто Кобиль принял участие в его работе, и рисунок был благополучно сведен в одно целое. Когда рисунок показали беку, он его одобрил и наградил Воке Махсума халатом. Гапур Джевачи сказал, что за вышивку берет-ся его жена. В то же время по хорошим вышивальщицам был разослан шелк, и взяли на пробу образцы шитья 100 мастериц. Из них отобрали четырех: 1 — жену Абду Мумина Джувозранг,

¹ Чизмакаш — рисовальщик узоров.

² Газал — жанр короткого лирического стиха, сложившегося в IX–XII вв.

2 — Урун биби (названную сестру усто Кобиля), 3 — жену Гапур Джевачи и 4 — усто Кобиля.

Халат был скроен из четырех частей (один рукав с боком, другой рукав с боком, перед и спина), каждый из участников шил свою часть. Шили его густой босма, и работа была закончена в сорок дней. Халат был отослан в урду (резиденцию правителя. — М.Я.), бек его осмотрел, одобрил и велел делать ширози — обшивку. Рисунок для ширози был выбран очень сложный, его должны были плести в <...> 132 руки, т.е. в 132 пальца. Причем все ширози было протянуто по анфиладе из двух комнат и айвана — все в 11 болор. Ширози не заладилось, и вызвали для работы Урун биби. Муж ее сначала не пускал, а затем, когда пустил, то вышло осложнение. Она сказала, что будет работать только со своим названным братом (усто Кобилем), а того отец категорически не пускал в урду. Посланцы из урды обратились за помощью к старшему брату усто Кобиля. И тот на свой страх обещал устроить это дело.

Отец усто Кобиля каждую неделю уезжал из города дня на 3–4. В эти-то дни усто Кобиля и провели в урду. В доме у Урун биби он обувался в лакированные махси, на него надевали чачван и щегольскую фаранчи зеленого цвета (зайнаби) и они вместе <...> (с Урун биби?) отправлялись в урду. Их приняла старшая жена бека. Она сидела на одеяле, свернутом в несколько слоев. В рубашке с очень широкими рукавами (начало XX столетия. — Е.П.), очень важная. Перед ними поставили дастурхон — четыре подноса с угощениями и чай. Обращаясь к усто Кобиллю, жена бека называла его «мардикча» — «мужчинка».

Урун биби и усто Кобиль наладили работу ширози и в три дня закончили его плетение. Бек сам приходил смотреть на работу¹. Каждый вечер кроме угощения в урде им при уходе давали большое блюдо плова. Они шли в дом к Джевачи, там усто Кобиль переодевался, и после этого они шли домой и делили плов пополам.

В субботу бек велел всем вышивавшим халат мастерам придти в урду. Их приняли, угостили, а затем стали выносить каждому вознаграждение за работу. Перед женой Джевачи поставили: «бир баркаш нон, бир баркаш ширавор, бир кала канд, баркутти навот, 8 аршин сурп, 8 аршин бахмал, 50 танга пул» — один поднос хлеба, один поднос со сладостями, одну голову сахара, один

¹ Ему понравилось, как они работают, и он дал усто Кобиллю 10 тенег и очень смутил его своим присутствием (прим. Е.М. Пешеревой).

ящичек с наботом (леденец — кристаллический сахар), восемь аршин белой материи, восемь аршин бархату и 50 тенег деньгами (7 руб. 50 коп).

То же самое поставили и перед женой Джувозранг'а. Пред Урун биби поставили все то же, только деньгами было 100 танга (10 руб). Перед усто Кобилем поставили такие же съедобные вещи, как и всем, но вместо бархата — восемь аршин золотой парчи — куннали зарин, 100 тенег деньгами и еще халат.

Когда они вышли из урды, то его товарки по его работе объявили ему, что они считают, что он получил гораздо больше их, и разделили его парчу на четыре части — по два аршина каждому.

С этого времени из урды ему постоянно посылали работу через махрама (главным образом по рисунку). Отец его так и не узнал, что он был в урде. С этого момента его репутация как мастера упрочилась, и всю свою дальнейшую жизнь он постоянно имел много работы. Когда усто Кобилу было 20 лет, умер его отец. Оказалось, что дела его были в расстроенном состоянии и после него осталось 24000 танга долгу. Старшие братья отказались от наследства. У него еще были младшие сводные братья от третьей мачехи. Усто Кобилу не советовали брать отцовского дома без того, чтобы взять с младших братьев тилхат — расписку о том, что дом поделен на три части и таким образом они участвуют в уплате долга. Они отказались, и весь долг пришлось уплачивать усто Кобилу. В это время жена его (детей у них не было) ушла от него, родственники ее вынудили усто Кобили с ней развестись. Но так как ушла она с тем, чтобы выйти замуж за богатого человека, старики заставили ее выплатить усто Кобилу 10 000 танга, при помощи которых он выплатил часть отцовских долгов. Через год после ухода первой жены он женился на своей теперешней жене, и в течение 10 лет они вместе выплачивали долг (жена его хорошая вышивальщица), работая день и ночь. Последние годы часть кредиторов попорядочнее перестала брать с него проценты, и он сумел расплатиться с долгом.

От второго брака у него было четырнадцать детей, из которых трое остались в живых.

Старший сын его, женатый, на войне, но он полтора года не имеет от него вестей, старшая дочь Биби Зайнаб (лет 20) замужем, у нее двое детей (мальчуган лет 3, Толиб, и девочка полутора лет — Зульфи). Младшей дочери Муаззам лет двенадцать. Старшая дочь его и вышивальщица, и чизмакаш — работает в артели «Им.

8 Марта». Муаззам также отлично шьет, самую мелкую терма. И сын, и зять его также помогали ему в работе, они проклеивали, сушили и раскрашивали бурунбой — марлю, на которой наносится рисунок и делается вышивка крестом — ироки.

Работает он вместе со своей старшей дочерью, с которой он сейчас живет. Работают они оба дома. С утра они встают, убирают, подметают двор, необычайно чисто содержащийся (тут же помещается небольшой садик и огород). Все домашние работы он делает наравне с дочерью, легко и свободно, как хорошая хозяйка-женщина. Пищу и хлеб, по большей части, он также готовит сам. Очень ловко, быстро, без суеты и разговоров — между делом. Делает все очень красиво и аппетитно.

Очень много внимания отдает своим двум внучатам, нянчится с ними со сноровкой многодетной и любящей детей женщины. Младшую девочку он вырастил на искусственном вскармливании. Его женственный характер и женственные занятия собирают вокруг него большое количество приятельниц-женщин. Постоянно у него в доме присутствуют его приятельницы, и для каждой из них находится любезное слово и веселая шутка, так как в добавление ко всем своим талантам, он еще и кизикчи, известный во всей округе. Усто Рустам — гончар в Шахрисябзе — особенно отмечал его достоинства как кизикчи еще и потому, что он сам, рассыпая свои веселые шутки и остроты, сохраняет всегда серьезность, и хохот окружающих вызывает только веселый блеск в его глазах.

В настоящее время он работает главным художником в артели «Худжум» в Шахрисябзе и «8 Марта» в Китабе. Приглашен также и на работу <...> в качестве руководителя мастерской и главного художника. Кроме рисования и вышивки ироки он рисует рисунки для сузани и шьет их сам. Рисунки его на сузани очень легки и изящны, и он необыкновенно владеет цветом. Сочетания он допускает самые смелые, но достигает при этом очень интересных результатов.

Знает он также и ремесло своего отца — валяние цветных кошм, а кроме того в продолжение многих лет занимается шитьем одежды, знает хорошо крои разных мест. Последние годы много шил для театра. Все приданое его дочери вышито и сшито его собственными руками. **К сожалению, он никогда не делает своих рисунков на бумаге и никаких образцов не сохраняет — все**

рисунки он делает по памяти. Состав элементов орнамента для ироки у него довольно ограничен (или, может быть, он сейчас оперирует только с определенными элементами — это должно показать изучение его рисунка), но комбинаций из них он делает великое множество. Причем рисует очень быстро и свободно, как будто бы совершенно не думая, что он возьмет следующим в своем рисунке. Рисунок у него четкий, точный, без всяких помарок и поправок.

Дом и сад в идеальном порядке, все выметено и несколько раз в день поливается. Причем сам мастер делает работу по дому вместе с дочерью необычайно легко и ловко. Когда у него все прибрано, он садится за работу — разрисовку по марле для шитья тюбетеек. В качестве предварительной разметки для верха тюбетейки служит складывание его три раза пополам. Положив материал на ладони левой руки, придерживая его пальцами и опираясь тыльной стороной руки на поднятое колено левой ноги, правой рукой мастер быстро, не отнимая пера, наносит основную композицию рисунка на материю и затем уже разделявает подробности, делает иногда сложные окаймления, всегда почти не отрывая пера. Состав элементов орнамента у него довольно определенный, и в композиции он всегда комбинирует их по-новому. Альбомов (*нусаха*) у него нет, он всегда делает рисунок по памяти.

Усто Кобил имеет в своем доме сейчас много вещей, нарисованных и вышитых им самим, вышивка у него безукоризненная. Он занимался немного и разрисовкой потолков, но сам говорит, что яичные краски он делать не умеет. Из разговоров с ним явствует, что *наккош*, разрисовывавшие потолки, рисовали по заказу и для вышивки, как это было и с халатом для последнего эмира Саид Алим хана, когда он был еще юношей (мастер охотно и свободно говорит о прошлом, помяная двух эмиров Саид Алим-Хана и Саид Ахад-Хана).

В доме его дочери имеется разрисованный яичными красками потолок, сделанный около 30 лет тому назад. Там, где крыша не протекала, краски находятся в идеальной сохранности и прекрасно держат всю свежесть тонов. <...>

В Андижане живет его тетка по отцу (амма), которой 108 лет. Живет она со своей неразделенной семьей; семья ее состоит из четырех женатых сыновей, четырех замужних дочерей, 36 внуков, 16 правнуков, 4 праправнуков. Для нее выстроено специальное обширное помещение с колоннами внутри. Когда к невесткам

или дочерям приходят гости, то прием гостей происходит у нее и в комнату вносится восемь дастарханов.

Усто Кобиль поддерживает со своими родственниками связь, он со своей семьей жил несколько лет в Андижане и постоянно ездит туда погостить. Кроме этой тетки у него есть и другие родственники в Оше и Андижане.

Усто Кобиль сидел в доме у своей старшей сестры и слушал, как читалось вслух письмо мужа его племянницы с фронта. Он сидел и обмахивался веером. Вдруг он приложил веер к лицу и глубоко всхлипнул, и затем, пока он доставал из кармана платок, из глаз его катились крупные слезы. Затем он помянул своего сына и сказал, как трудно не иметь вестей от близких, уехавших вдаль.

Вспышка его горя носила по-своему изысканный характер. Ни в слезах, которые он быстро подавил, выпив воды и отерев глаза, ни в том, что и как он говорил, не было ничего вульгарного и некрасивого, когда это часто бывает, когда люди плачут.

[Архив МАЭ РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед.хр. № 57. Л. 21–33].

***

Кроме этой интереснейшей записи, в полевых дневниках Е.М. Пещеревой был зафиксирован и адрес дома дочери усто Кобиля Зайнаб — Китаб, улица Кызылоктябрь, 38. Будучи в экспедиции в Узбекистане мы не смогли миновать Китаб: уж очень хотелось узнать, что произошло с членами этой большой семьи за долгие годы, живет ли еще в народе память об интересном человеке и замечательном мастере Кобилджоне.

Приехав в Китаб, мы остановились в первой же чайхане, расположенной практически на въезде в город. Наш водитель подошел к мужчинам, чаевничавшим в тени деревьев, спросил их о старом названии улицы и произнес имя мастера. Каково же было наше удивление, когда мужчины встали из-за стола, подошли к машине и выразили готовность сопроводить нас на то самое место! Т.е. в самом прямом смысле первый встречный был готов показать улицу, на которой жил усто Кобилджон!¹ Но на этом чудеса не закончились.

На стук из ворот большого нового дома вышел пожилой мужчина. «Усто Кобилджон? — переспросил он. — Это мой дедушка.

¹ Ныне адрес семьи усто Кобилджона — Китаб, Х. Олижон. Дом 62.

Зайнаб? Это моя мама. Она жива. Вы хотите с ней познакомиться?» Потрясенные, мы смогли только, радостно улыбаясь, кивнуть головами. Через большой двор нас провели в комнату для приема гостей. Моментально был накрыт стол, и мы уселись пить чай в окружении семьи усто Кобилджона.

Из неспешной беседы мы узнали, что сегодня в новом доме, построенном на месте старого, вместе с биби Зайнаб живут ее сын Толиб (тот самый «мальчуган лет трех») с женой Муктараб (1940 г.р.) и семья внука Бекмурода (1979 г.р.), младшего сына Толиба. Всего у Толибджона, внука Кобилджона и сына Зайнаб, десять детей (восемь мальчиков и две девочки), 31 **внук и три правнука**. Самой биби Зайнаб (рис. 1) уже 90 лет, и домашние ласково называют ее бабулей.

Рис. 1. Биби Зайнаб (Зайнаб Хамидова). Фото автора. 2010 г.

В семье гордятся тем, что в советское время Кобилджон со своими работами ездил в Москву, а во время Великой Отечественной войны отправлял свою продукцию на фронт. В 1960-е годы биби Зайнаб также принимала участие в каком-то крупном мероприятии в Ташкенте, но в каком — вспомнить уже никто не смог. Тем не менее известно, что она провела в столице Узбекистана несколько дней и демонстрировала свое ремесло перед большой аудиторией.

В 1947 г. Кобилджон вместе с Зайнаб уехал в Андижан — родной город мастера. В Андижане мастер открыл артель и работал там до дня своей кончины. Умер усто Кобилджон в Андижане в 1954 г. Его похоронили на местном кладбище, которое (по сообщению членов его семьи) в его честь названо «Кара-кош» («Черные брови»). Биби Зайнаб после смерти отца вернулась в Китаб, но в Андижане и сегодня живет еще одна ветвь большой семьи.

Рис. 2. Верхний ряд (слева направо): Зайнаб Хамидова — дочь мастера, Зульфия — внучка мастера, Толибджон Рахматов — внук, Маджид Хамидов — зять, погибший на фронте; внизу — усто Кобилджон Мусажонов с внуком Тахырджоном Хамидовым, проживающим в настоящее время в Ташкенте

В доме хранится всего одна фотография мастера Кобилджона с семьей Зайнаб (рис. 2). Фотография производит очень странное впечатление. Она, безусловно, восстановленная, и скорее всего

смонтированная: кроме того, что в качестве фона на ней использовано изображение Тадж-Махала (который в Узбекистане пользуется популярностью), на ней присутствуют люди, которые никак не могли встречаться друг с другом. Так, на фотографии запечатлен Маджид Хамидов, которого информанты назвали первым мужем Зайнаб (она носит его фамилию). Хамидов погиб на фронте. Но рядом с Хамидовым на фотографии изображен и юный Толибджон, который (по сообщению информантов) является сыном биби Зайнаб от второго брака (и при этом год его рождения — 1940).

Налицо некоторые противоречия и в датах, и в воспоминаниях. Но за ограниченное время нашего визита мы, к сожалению, не смогли до конца выяснить все интересующие нас вопросы и разобраться во всех родственных отношениях между членами этой большой и дружной семьи.

Интересны и некоторые расхождения в воспоминаниях, записанных Е.М. Пещеревой и нами. Запись Е.М. Пещеревой начинается с того, что «усто Кобилджон родился в 1882 г. в Андижане». Толибджон же вспоминает следующее:

«Отца Кобилджона звали Мусаджан. Он намаз делал. Тоже рисовал. Во время восстания в Андижане он с женой ушел из Андижана. Они поехали в Мекку. Кобилджон (дед) говорил, что, когда он ехал в Мекку, он был в мамином животе, а на обратном пути — шесть месяцев на руках. Из Мекки они пришли в Китаб».

Исходя из этого следует, что родился мастер не в Андижане, а где-то на пути в Мекку или даже в самой Мекке. А если принять во внимание, что Андижанское восстание произошло в 1898 г., то тогда и записанный Е.М. Пещеревой год рождения мастера тоже оказывается неверным, что, конечно же, маловероятно, т.к. она записывала его со слов самого усто Кобилджона. Вероятно, с течением времени семейные события стало легче соотносить со значимыми, известными событиями из истории родного государства.

Что касается семейного ремесла, то, к сожалению, рисованием узоров и вышивкой в семье уже никто не занимается. Толибджона дед ремеслу не учил, несмотря на то что внука очень любил и часто брал с собой в поездки. Толиб всю жизнь проработал

шофером. Дочь Зайнаб учил сам Кобилджон. Невестку Муктараб вышивальному ремеслу учили и Кобилджон, и Зайнаб. Они вместе работали на фабрике «Худжум» в Шахрисабзе. После закрытия фабрики в 1990-х годах они еще какое-то время продолжали работать дома, пытаясь привлекать к этому занятию младших членов семьи, но никто из них уже не захотел заниматься ремеслом.

Правнук Кобилджона Бекмурод Рахматов (рис. 3) — бизнесмен, хозяин чайханы. Его родной брат Алишер Рахматов (1965 г.р.) — стоматолог.

Рис. 3. На переднем плане — Зайнаб Хамидова и Муктараб Рахматова; на заднем плане — Бекмурод и Толибджон Рахматовы.
Фото автора. 2010 г.

По мнению информантов, после сложного времени на стыке тысячелетий, приведшего к затуханию традиционных ремесел, вышивка в Узбекистане начала возрождаться только с момента создания в 2004 г. Гульнаррой Каримовой Фонда «Форум», который призван поддерживать развитие культуры и искусства Узбекистана.

Рис. 4. Руйиджо — простыня для постели молодоженов.
Фото автора. 2010 г.

В семье уже не осталось ни одной работы, сделанной руками известного мастера. Для нашего музея мы получили в подарок *руйиджо* — простыню для постели молодоженов (рис. 4), изготовленную в 1958 г. биби Зайнаб и Муктараб. Работа размером 140 × 120 см выполнена на шелковой темно-синей ткани. Растительный орнамент с традиционными мотивами *бодом* (миндаль) вышит, вероятно, мерсерезированными хлопчатобумажными нитями «ирис». Готовая вышивка оконтурена вышитой тесьмой и посажена на ситцевую подкладку. В ближайшее время подаренная для музея работа будет подробно описана и передана на хранение в фонды МАЭ РАН.

Источники

Архив МАЭ РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед.хр. № 57.